

Сюй Сяочжэнь с детства питался только питательными смесями — готовить не умел. Только за последние пару месяцев кое-как научился. И то — не идеально. А с таким привередой, как Чжоу Янь, это было настоящим испытанием. Порой Сюй задумывался: может, он вообще не бета, а сын каких-то знатных альфы и омеги, просто семья распалась, и он оказался на улице — раненый, забытый.

Сегодняшний ужин вышел пересоленным. Видимо, слёзы попали в кастрюлю.

С красными глазами он молча поставил еду перед Чжоу Янем, сам устроился за другим краем стола, достал тетрадь и принялся писать.

Сюй был из тех, кто не замолкал ни на секунду — болтливый, живой. Но сейчас в комнате стояла такая тишина, что было слышно только, как царапает по бумаге ручка, да как тихо лязгают палочки о тарелку.

— Чжоу Янь, ты такой молодец, снова первый! Но, пожалуйста, хоть что-нибудь напиши по “Социальному поведению и морали”, ладно? А то ещё раз получишь ноль — и пойдёшь жить на улицу!

Вот что он обычно говорил. Должен был сказать.

Но — молчал. Такая тишина, что у Чжоу Яня внутри что-то сжалось. Он даже не смог пробурчать, что еда пересолена.

Молча взял вторую пиалу, положил половину еды, придвинул её Сюю.

Тот поднял голову. Глаза опухли, будто орехи. Он отодвинул еду обратно, покачал головой:

— Я пил питательную смесь.

Ужин закончился на ноте неловкости. До самой ночи в комнате стояла гнетущая тишина. Кажется, та фраза — про виноград, про его феромоны — по-настоящему задела Сюя. В маленьком, душном железном домике, где в мае днём стояла духота, а ночью пробирал холод, становилось всё труднее дышать. Комната, и без того тесная, теперь казалась склепом.

Их кровать когда-то была сооружена из шести кирпичей и доски. Она не выдержала их течи — сломалась. Подобрать подходящую доску пока не получилось, поэтому спали на полу.

Чжоу Янь лежал на голом цементе, подложив руку под голову. Сквозь мутное окно пробивался свет луны, на потолке угадывались пятна старой побелки и тусклая лампа размером с кулак.

Он повернул голову. Сюй лежал к нему спиной, свернувшись калачиком. Спал. Или делал вид. Дышал ровно.

Где-то там, в Первом секторе, Гу Чуань уже зачищал остатки власти прежнего маршала. С такой скоростью — максимум пара месяцев, и Чжоу Янь сможет вернуться обратно.

Сюй Сяочжэнь...

Чжоу Янь колебался. А потом усмехнулся — самому себе, своей нерешительности. Что он, заберёт его с собой в Первый сектор?

Смешно. Он же не может жениться на нём.

Конечно, он оставит его здесь.

Если Гу Чуань узнает, что он, его наследник из Первого, поставил пожизненную метку на омегу... причём не просто на омегу, а на никому не нужного, оборванца с окраин... Он ведь всерьёз может ему ноги переломать.

Эта мысль вызвала у него едва уловимую тревогу. Даже когда он убил Ли Сюня — единственного сына прежнего маршала — такого он не испытывал.

Идеальный исход, как он себе представлял: семья Гу щедро заплатит Сюю за молчание, снимут метку, дадут денег на жизнь. В конце концов, он омега. У омеги всегда есть шанс устроиться. Как-нибудь да выкрутится.

Чжоу Янь знал, что этот дурачок до сих пор грезит о нём. Именно поэтому, после второй дифференциации, Сюй не побежал в управление, не заявил о себе, не перешёл в другой сектор, не оформил пособие. Он просто... спрятал свою сущность. Спрятал, что стал омегой.

Ну и пусть. Всё равно придёт время — поймёт, в каком мире они живут. Быть омегой куда выгоднее, чем быть бетой. Легче в сто раз.

Чжоу Янь мысленно вернулся к своему будущему: скоро он покинет это нищее, давящее место, где даже воздух пахнет бедностью. Мысль эта согрела изнутри. Железная коробка, в которой они жили, внезапно перестала казаться такой душной, а Сюй — таким отвратительным. Даже наоборот, появилась странная, неуместная нежность.

Он вытянул руку — и Сюй по привычке прижался к нему, как к источнику тепла. Уткнулся, зашевелился, устроился поудобнее.

Одежда на нём была распахнута. На коже — следы от поцелуев, перемешанные с синяками.

Чжоу Янь провёл по ним пальцами. Лицо Сюя, ещё по-детски нежное, вспыхнуло — и в Чжоу вдруг вновь зашевелилось желание. Но он тут же сдержался, заглушил прилив.

В прошлый раз был течный пик. Но сейчас — нельзя. Нельзя ошибаться снова.

Однако, как ни странно, любовь, вызванная феромонами, оказалась сильнее боли. На следующее утро, проснувшись в объятиях Чжоу Яня, Сюй Сяочжэнь совсем забыл, что вчера плакал. Прежняя обида растворилась без следа.

Он, как всегда, поднялся первым. Разогрел молоко, поджарил хлеб.

Чжоу Янь проснулся с раздражением. У него часто бывали приступы утренней злости. Сюй его осторожно тронул, стараясь говорить тихо, почти ласково:

— Вставай, завтрак готов. Сегодня ведь занятия.

Тот со вздохом сдёрнул одеяло и бросил его Сюю прямо в лицо. Злость поубавилась. Он нехотя поднялся, пошёл в ванную — гремел, плескался.

Вернувшись, увидел, как на столе ждёт парующее молоко и тёплый хлеб. Взгляд его чуть смягчился.

Он заодно помыл и голову. Мокрые чёрные волосы были небрежно закинута назад, несколько прядей упали на лоб, будто специально уложены. В сочетании с его и без того ослепительной внешностью, с резкими чертами, тёмными, почти чёрными глазами, он выглядел так, будто только что сошёл с обложки модного журнала. Аура — вся из роскоши, от которой захватывало дух.

Сюй Сяочжэнь как раз складывал постель, когда вдруг что-то вспомнил и с возгласом вскочил, подскочил к шкафу, распахнул дверцу и достал две тарелки — остатки вчерашнего ужина.

Он понюхал их, и лицо тут же потемнело от отчаяния:

— Всё пропало... Жара, всё испортилось... такие деньги на ветер...

Вчера вечером они с Чжоу Янем были не в духе, и почти половина еды осталась. Её даже не убрали в тень. Утром она уже была несъедобна.

Сюй глядел на прокисшие блюда, словно на кучу монет, выброшенных в мусорное ведро. Лицо побелело от горя.

Чжоу Янь не сдержался — фыркнул со смехом, отпивая молоко:

— Из-за такой мелочи убиваешься? Ты вообще знаешь, сколько государство платит омегам? Тридцать пять тысяч в месяц. С такой суммой можно и есть, и выбрасывать, сколько влезет.

— Так много?..

— Ага. Что, загорелся? Собирайся, иди оформляй статус, получай выплаты...

— Нет! — Сюй перебил его резко, даже не дав договорить. — Я не уйду! Я хочу быть с тобой! Если я уйду — что ты будешь делать? Я не брошу тебя.

Его взгляд был слишком прямой. В этих каштановых глазах не было ни капли сомнения, только упрямая, абсолютная решимость. Словно эта решимость могла вспыхнуть и сжечь Чжоу Яня дотла — с его ложью, с его черствостью, со всем тем, что он не решался признать.

Чжоу Янь не стал отвечать. Даже не посмотрел ему в глаза. Просто протянул пустой стакан:

— Допей.

Он не верил. Не верил, что Сюй, проживший в нищете всю жизнь, сможет отказаться от той роскоши, которую получают омеги. Стоит ему увидеть, как живут в верхах, — и он уже не вернётся к прошлому.

Все эти клятвы сейчас — потому, что он просто не знает, как бывает.

Сюй, не догадываясь о его мыслях, послушно взял кружку и пошёл её мыть. Он больше не ждал ответа.

Вымыв кружку, Сюй Сяочжэнь уселся прямо на пол, подоткнув под себя ноги, и начал загребать в рот вчерашний прокисший рис. Сначала Чжоу Янь стоял к нему спиной и даже не сразу понял, чем тот занят. Но стоило обернуться — и он застыл: Сюй ел испорченную еду с таким аппетитом, будто это было лакомство, не иначе. Более того — после каждого глотка он словно смаковал привкус, задерживая во рту, как изысканное блюдо.

Чжоу Яню стало не по себе. Мурашки побежали по коже. Он никогда в жизни не видел, чтобы кто-то ел протухшую еду. Даже дворовая собака в его доме не притронулась бы к вчерашнему корму.

Он вскочил, взбешённый, и с силой пнул еду, стоявшую на полу:

— Ты с ума сошёл?! Это же тухлятина, ты что, окончательно озверел от нищеты?

Сюй Сяочжэнь, не обращая внимания, подбирал рис с пола и запихивал в рот:

— Это за деньги куплено! Раз ты не ешь, что, мне тоже нельзя?!

— Ты — омега! — Чжоу Янь задыхался от злости. — У тебя могли бы быть горы свежих фруктов и овощей, столько денег, что некуда девать, и целая очередь альф, готовых тебя на руках носить! Ты что, совсем не понимаешь?!

— Я тебе уже говорил, — Сюй поднял на него глаза, голос звучал спокойно, но в нём звенела какая-то упрямая ясность. — Я хочу быть только с тобой. Всё это омежье “счастье” — мне не нужно. Я уже больше десяти лет так живу, и знаешь, не жалею. Потерплю ещё. До экзаменов всего два месяца. Мы ведь можем поступить, правда? А если поступим, жизнь потихоньку наладится...

На последних словах голос у него дрогнул. Глаза заслезились, губы — те самые, нежно-розовые, как лепестки, — задрожали.

— Чжоу Янь... я знаю, ты думаешь, что мне с тобой тяжело. Что было бы легче — стать нормальным омегой, жить в достатке, как все. Потому ты и раздражён, потому и злой в последнее время. Но я всё понимаю. Я сам выбрал этот путь, и сам за него отвечаю.

Он едва слышно выдохнул и кончиками пальцев коснулся руки Чжоу Яня. Пальцы были прохладные, почти ледяные — и от этого прикосновения у Чжоу Яня будто кожу обожгло. Он резко вдохнул, сердце на миг сбилось с ритма, наполнившись странной, глухой болью и чем-то тёплым, почти невыносимым.

Но всё это — всего на секунду.

Он тут же отдернул руку, вырвавшись из слабого захвата Сюя, и отвернулся, избегая его взгляда.

Он по-прежнему был уверен: Сюй Сяочжэнь так уверен в себе лишь потому, что ещё не понял, насколько сладка жизнь в роскоши, как легко она затмевает все благие намерения.

Да и не важно. Он уже всё сказал, путь указал. Раз уж тот упорно не хочет идти — не его забота. Пусть продолжает жить, как ему нравится.

А может, так даже лучше. Сейчас Сюй Сяочжэнь — послушный, спокойный, не спорит. Ему осталось провести с ним всего пару месяцев, и если мальчишка будет таким же тихим — всё пройдёт для него гладко.

Ведь альфы умеют наслаждаться. Особенно — когда их ублажают. И Чжоу Янь быстро успокоил себя: когда он вернётся домой, Сюй Сяочжэнь будет получать деньги, сможет жить, как полагается омеге. Он ему ничем не обязан. И тот — ничего не теряет.

Тем не менее, где-то глубоко внутри у него всё равно ныло странное, мучительное чувство вины. Он сам не мог этого объяснить, но будто бы предал Сюя Сяочжэня.

Мысли путались. Он даже стал подумывать, не дать ли тому немного денег на прощание — как бы в счёт “искупления”.

Тем временем у школьных ворот всё шло по привычному сценарию: каждое утро Чэнь Исунь дожидался Сюя Сяочжэня, утаскивал его за угол и избивал. Все уже привыкли. Никого не удивляло.

Сюй тоже действовал по заведённому порядку — сначала вырывался, сопротивлялся, пока хватало сил, а потом просто сдавался. Но сегодня что-то было не так. В Чэнь Исуне чувствовалась какая-то странная, глухая зловещесть.

Он стоял с пакетом молока в руках, бледный, почти болезненно серый, и смотрел на Сюя не мигая. В его глазах, длинных, чуть прищуренных, таилась угроза. Тонкая фигура отбрасывала вытянутую, резкую тень, словно нависшую над Сюем. На нём была чёрная рубашка, закатанный рукав обнажал руку с тёмной татуировкой — узор уходил куда-то за ухо, едва заметный, но зловещий.

Он медленно вылил молоко Сюю на голову, потом вдруг разразился хриплым, леденящим смехом. Схватил его за шею и поволок в сторону переулочка.

Чжоу Янь всё это видел. Стоял и смотрел. Только в этот раз — не ушёл. Ноги словно приросли к земле. Он видел, как Чэнь Исунь что-то говорит Сюю, губы шевелятся, голос — почти ласковый, но в нём сквозит сталь.

Когда Сюй впился зубами в его руку, Чэнь Исунь наклонился к самому уху, дыхание холодом обожгло кожу:

— От тебя воняет чужим альфой. Я чую. Ты спал с Чжоу Янём?

Это был не вопрос. Это было обвинение.

<http://bllate.org/book/14462/1279127>